DOI: 10.17976/jpps/2022.03.07

К ВОПРОСУ О ПРОДУКТИВНОСТИ САНКЦИЙ В ОТНОШЕНИИ КНДР

И.А. Коргун, Г.Д. Толорая

КОРГУН Ирина Александровна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики РАН, Москва, email: irinakorgun@yandex.ru; **ТОЛОРАЯ Георгий Давидович**, доктор экономических наук, профессор, директор Центра российской стратегии в Азии, Институт экономики РАН, Москва, email: toloraya@nkibrics.ru

Коргун И.А., Толорая Г.Д. 2022. К вопросу о продуктивности санкций в отношении КНДР. *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 80-95. https://doi.org/10.17976/2022.03.07

Статья поступила в редакцию: 17.07.2020. Принята к публикации: 16.03.2021

Аннотация. Ужесточение международного санкционного режима в отношении КНДР произошло в декабре 2017 г., в результате предложенного в ООН США и их союзниками пакета мер под запретом оказалось 90% экспорта и существенная часть импорта страны. Но это не принесло результатов в вопросе сворачивания ракетно-ядерной программы КНДР. Отсутствие прогресса в диалоге с элитами КНДР и ее высокая степень адаптивности к ситуации ставят вопрос об эффективности санкций. Авторы статьи анализируют непредвиденные последствия санкций, которые выражаются в росте объема нелегальных операций КНДР и диверсификации их видов. На полученных результатах демонстрируется, что, хотя санкции негативно воздействуют на экономику и социальную сферу КНДР, они не расширяют поле для компромисса и в долгосрочной перспективе подрывают дипломатический процесс. В период действия санкций наблюдается рост нестабильности на Корейском полуострове в силу дальнейшего развития военной программы Пхеньяна и разрастания его нелегальной деятельности. Продолжающаяся глобализация сектора информационных технологий открывает новые возможности режиму для самофинансирования. Делается вывод, что, несмотря на очевидную контрпродуктивность санкций, их применение будет расширяться и усложняться, вовлекая новые сферы и все большее число участников из частного сектора и осложняя мировую политическую обстановку.

Ключевые слова: международные санкции по линии ООН, эффективность санкций, ракетно-ядерная программа КНДР, нежелательные последствия санкций.

ВВЕДЕНИЕ

Дискуссия по вопросу эффективности санкций в отношении КНДР стала неотъемлемой частью проблемы урегулирования ситуации на Корейском полуострове и шире – стабилизации обстановки в Северо-Восточной Азии. Санкции превратились в один из центральных инструментов внешнеполитического курса администрации США и рассматриваются Западом как уступающее лишь военным мерам средство давления на противников и изменения их курса. Данная тенденция отчетливо проявилась при президентстве Д. Трампа в условиях политики “максимального давления” и, по всей вероятности, будет продолжена при администрации Д. Байдена.

Принятие постоянно расширяющихся и усложняющихся мер принуждения стало следствием внутриамериканского нарратива о том, что санкции предпочтительнее, чем военные действия за рубежом, в частности в Северной

Корее. Интерес публики к различного рода санкциям заметно вырос на фоне снижения готовности к прямому участию в конфликтах за пределами США. Довольно часто американские эксперты стали задаваться вопросом, хотят ли они войны с КНДР[1]. Однако по сути подобная формулировка лишь объясняет необходимость санкций, даже если те не приносят желаемого результата.

Совет Безопасности ООН также избрал финансово-экономические ограничения в качестве главного инструмента давления на КНДР [Ильин, Курныкин 2014] и остается ему верен. Жесткий пакет международных санкций ООН, введенный в декабре 2017 г., направлен на то, чтобы предельно усложнить экономическую жизнь политического режима в Пхеньяне [Толорая, Коргун, Горбачева 2020]. При этом на второй план уходит проблема поиска решений ядерной проблемы КНДР и стабилизации обстановки в регионе переговорным путем.

Такой подход оказался непродуктивным. При всех трудностях, испытываемых КНДР, она не только не оставила свою ракетно-ядерную программу, но и добилась в ней определенного прогресса: с момента введения санкций в 2017 г. она произвела еще несколько запусков ракет, предполагающих наличие более сложных разработок, которыми она не располагала ранее[2]. Получается, что введенные жесткие ограничения работают против конечной цели – примирения на Корейском полуострове, достижения прогресса в вопросе денуклеаризации и остановки программы по разработке оружия массового уничтожения. В результате возникает разрыв между декларируемыми целями санкций и теми, что преподносятся в качестве их "успешного" эффекта.

Здесь закономерно встает ряд вопросов: почему в случае с КНДР санкции непродуктивны и не позволяют добиться конечной цели? Как оценивать результаты санкций? Наконец, как может развиваться санкционная политика в ближайшие годы и какие уроки можно вынести из северокорейской ситуации применительно к действию санкционного механизма, используемого Западом?

В нашей работе на основании анализа имеющихся данных о состоянии социально-экономического положения в КНДР после введения санкций ООН делается попытка найти возможные ответы на указанные вопросы. Рабочая гипотеза базируется на тезисе о том, что цели санкций против КНДР, заявленные в документах ООН, не были достигнуты, несмотря на расширение санкционного механизма. Более того, санкции привели к обратному результату – росту воинственности КНДР и тупику в дипломатическом процессе. Это позволяет говорить о непродуктивности санкций (продуктивность здесь понимается в контексте международных отношений как решение поставленной дипломатической задачи).

Представленное в статье исследование также развивает проблему появления новых санкционных инструментов, отраженную в одном из последних эссе крупного специалиста по санкциям из США Дж. Хафбауэра [Hufbauer, Jung 2020] и озвученную в экспертных дискуссиях на Западе.

---

[1] В частности, такой подход озвучивался Пак Джун, американским экспертом по КНДР и Южной Корее, на дискуссии в Институте Брукингса. См. Economic sanctions: assessing their use and implications for U.S. foreign policy. *Brookings Institute*, 27.01.2020. https://www.brookings.edu/events/economic-sanctions-assessing-their-use-and-implications-for-u-s-foreign-policy/ (accessed 27.05.2020).

[2] United Nations Security Council. (2021). The midterm report of the Panel of Experts established pursuant to Security Council resolution 1874 (2009) S/2021/777. URL: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/S_2021_777_E.pdf (accessed 19.12.2021).

Структура работы следующая: после обзора литературы анализируется экономическая ситуация в КНДР с 2017 г., когда был введен максимально жесткий режим международных санкций. Далее обсуждается вопрос о продуктивности санкций и выявляются механизмы, которые используют власти КНДР для выживания и которые, по мнению авторов, делают санкции непродуктивными. В заключении подводится итог дискуссии о влиянии санкций.

Литература и методология

Сложилось два ключевых подхода к оценке воздействия санкций на экономику КНДР, первый из которых использует рациональный метод с элементами статистического анализа, а второй основывается на экспертных оценках. В западной литературе доминирует первый подход. Специалисты регулярно предпринимают попытки измерить "эффект" санкций против КНДР, исходя из оценочных данных о состоянии северокорейской экономики и косвенных сведений, собранных в ходе анализа доступных вовне страны фактов либо в ходе обследования экономических процессов и жизни общества во время редких посещений Северной Кореи и опросов перебежчиков – граждан КНДР, покинувших страну. Эти отрывочные сведения используются для описания, а подчас и моделирования механизма воздействия санкций и прогнозирования реакции северокорейской экономики [Koen, Beom 2020].

Несмотря на то, что эти исследования вносят определенный вклад в понимание процессов, происходящих в КНДР, обсуждение воздействия санкций на их основе имеет ряд ограничений. Как упоминалось выше, оценочный характер используемых данных обеспечивает лишь приблизительные результаты. Более того, подобные исследования встраивают неполную и подчас противоречивую информацию в заранее выбранный нарратив, который "отстаивает заданные воззрения относительно того, будут работать санкции или нет, в зависимости от ценностных установок автора" [Solingen 2012]. Дж. Хафбауэр, написавший одну из наиболее обстоятельных работ по использованию санкций Соединенными Штатами, отмечает, что "мы опираемся на собственное суждение (*own judgment*), чтобы оценить 'коэффициент санкций'" [Hufbauer et al. 2009: 101]. Иными словами, стремление оценить эффект санкций против КНДР заведомо включает в себя элемент индивидуальных воззрений на механизм действия санкций, что делает объективную оценку их эффективности затруднительной.

Также следует принимать во внимание, что в ходе исследований переоценивается значимость одних показателей, например влияния экономической динамики на политические решения, и недооценивается значимость других – таких как психологические факторы и национальное самосознание, что отмечает Э. Левковиц в работе "Почему мы не понимаем КНДР?" [Levkowitz 2007: 96]. В результате моделирования с использованием таких показателей могут быть получены ошибочные результаты о скором коллапсе КНДР[3].

Рациональный подход зачастую не принимает во внимание и потенциальное девиантное поведение подсанкционной страны, выражающееся в поиске механизмов обхода санкций. КНДР их активно использует и непрерывно совершенствует. Впрочем, это государство в принципе сложно отнести к "рациональному агенту" [Jervis 1992], действия которого детерминированы точным подсчетом выгод и убытков от санкций. В ходе применения рассма-

[3] Mazzetti M. In '97, U.S. Panel said North Korea could collapse in 5 years. *The New York Times*, 27.10.2006. https://www.nytimes.com/2006/10/27/world/asia/27intel.html (accessed 15.12.2020).

триваемого подхода игнорируются множественные каузальные взаимосвязи механизма принятия решения в ответ на вводимые санкции, которые нельзя описать в терминах рациональности, но которые хорошо представлены в бихевиоральных исследованиях процесса принятия решений в условиях риска, описанных Д. Канеманом и А. Тверски [Kahneman, Tversky 1979].

Эксперты неоднократно отмечали, что попытки количественно оценить влияние санкций на экономику КНДР и объяснить ее поведение в рациональных терминах являются редукционистскими, так как не принимают во внимание специфику политического аппарата страны, ее хозяйственную систему и культурно-психологические особенности нации [Levkowitz 2007; Solingen 2007, 2012; Корея перед новыми вызовами 2017]. Д. Кан в принципе ставит под сомнение возможность применения "западных теорий" к объяснению поведения КНДР [Kang 2003]. Историческая склонность к самозащите и опоре на собственные ресурсы на протяжении веков играла большую роль в сохранении монолитности корейской нации и Корейского полуострова в целом. В КНДР стремление сохранить страну приобрело крайнюю форму экономического национализма "чучхе" и послужило основой построения национальной идентичности [Solingen 2007]. Это усиливает так называемый эффект эндаумента, описанный в "теории перспектив", согласно которому политические элиты могут ценить то, что у них уже есть, больше потенциальных выгод в будущем [Kahneman, Knetsch, Thaler 1991]. Как отмечает Э. Солинжен [Solingen 2019: 121], "эффект эндаумента" повышает цену отказа от ядерного оружия в КНДР для элит, которые не согласны на уступки для снятия санкций.

Американские эксперты идут дальше и отмечают, что существует значительное количество научной литературы об эффективности санкций как инструмента внешней политики, причем большая часть исследователей приходит к выводу, что санкции редко 'работают' как форма принуждения. Это особенно очевидно в тех случаях, когда санкции нацелены на авторитарные режимы и когда страна, подвергшаяся санкциям, считает, что на карту поставлены ее ключевые интересы, – два условия, характерные для Северной Кореи[4].

Б. Эрли из Стэнфордского университета указывает, что "санкции особенно малоэффективны, когда их осуществление подрывают сторонние спойлеры. В случае с Северной Кореей ее всеобъемлющая зависимость от Китая как торгового партнера дает Пекину достаточно возможностей для того, чтобы играть такую роль" [Early 2015]. Сомнение в эффективности санкций высказывает и В. Ким, стипендиат Сиракузского университета[5].

Уместно привести в пример мнение австрийского ученого Р. Франка, высказанное еще в 2006 г. после принятия первых санкционных мер, что попытки принудить КНДР к чему-либо без диалога на равных будут малоэффективны [Frank 2006]. Российские специалисты, которые занимаются вопросом урегулирования ядерной проблемы КНДР, всегда сдержанно относились к эффективности использования санкций в качестве механизма давления на северокорейское руководство. Среди российских специалистов преобладает точка зрения, что санкции не могут изменить целеполагание и стратегию северокорейского

[4] GAO. Economic sanctions: agencies assess impacts on targets, and studies suggest several factors contribute to sanctions' effectiveness. Report to congressional requesters, 2019. https://www.gao.gov/assets/710/701891.pdf (accessed 15.12.2020).

[5] Kim V. The effectiveness of UNSC sanctions: the case of North Korea. Syracuse University, 2017. https://surface.syr.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2041&context=honors_capstone (accessed 15.12.2020).

руководства в оборонной сфере и нацелены скорее на ослабление КНДР и смену режима с поглощением КНДР Южной Кореей [Трансформация международных отношений... 2019; Корея перед новыми вызовами 2017; Захарова, 2019; Булычев, Коргун, 2019; Дьячков 2018]. Такая тактика используется Западом как наиболее доступная в связи с отсутствием возможности, в том числе из-за уровня обороноспособности КНДР, найти военное решение. Свою роль играют также нарастающая конфронтация между Пекином и Вашингтоном и заинтересованность США в ослаблении позиций Китая в Восточной Азии.

В настоящем исследовании для аргументации гипотезы о непродуктивности санкций авторы опираются на малодоступные на Западе и в открытом доступе материалы, а также оценки компетентных специалистов, используют многолетний личный опыт прямого участия в обсуждениях северокорейской проблемы на разных уровнях. В качестве информационных источников привлекаются данные международных организаций системы ООН, неправительственных организаций, работающих в КНДР, оценки российских, американских, южнокорейских, китайских и японских экспертов. В силу того, что не все экспертные мнения находят отражение в научных исследованиях и озвучиваются только в ходе профессиональных дискуссий, авторы применяют обширный материал из вторичных источников – записей конференций и специальных обсуждений по вопросам санкций против КНДР.

САНКЦИОННОЕ ДАВЛЕНИЕ И ЕГО ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЭКОНОМИКУ И ТОРГОВЛЮ КНДР

Политика санкций в отношении КНДР, как согласованных в международном формате через ООН, так и односторонних, в последние годы стала центральным элементом в инструментарии “максимального давления” Запада. Стремление напрямую повлиять на финансовое благополучие правящих кругов и элиты, а также создать источник недовольства руководством страны среди населения [Hufbauer et al. 2009; Harrell, Zarate 2018] в целом характеризует политику США последних лет в отношении не только КНДР, но и тех стран, в которых действия правительства, по мнению американской стороны, не соответствуют международным нормам. Использование санкций вместо силы позволяет, как отмечает Морган, “быть рациональными, избежать катастрофы, но и не проиграть” [Morgan 2003: 42].

Впервые международные санкции в отношении Пхеньяна были введены в 2006 г. резолюцией СБ ООН 1718. За период с 2006 по 2017 г. было принято восемь резолюций Совета Безопасности ООН, которые в прогрессирующем порядке ужесточали ограничения на торговые операции Северной Кореи [Булычев, Коргун 2019; Захарова 2019]. В 2016-2017 гг. США добились принятия секторальных санкций, направленных на ограничение экспорта продукции ключевых отраслей экономики и сокращение финансовых доходов страны от внешнеторговых операций, которые, как считается, играют ключевую роль в обеспечении ядерной программы Севера [Толорая, Коргун, Горбачева 2020]. Эти меры затронули важные отрасли экономики, работающие на экспорт[6], и предельно обострили ситуацию в КНДР[7].

[6] Korea Peace Now. Letter to UN Security Council regarding sanctions on North Korea, 11.12.2019. https://koreapeacenow.org/letter-to-un-security-council-regarding-sanctions-on-north-korea/ (accessed 12.03.2020).

[7] Jiang J. Cato: sanctions impediment to North Korean peace, aid. *The American Spectator*, 15.06.2019. https://spectator.org/cato-sanctions-impediment-to-north-korean-peace-aid/ (accessed 10.07.2020).

Внешняя торговля КНДР под воздействием санкций. Несмотря на закрытость Северной Кореи, связь с внешними рынками занимала важное место в ее экономике. Экспортные поступления использовались для закупок жизненно необходимых сырья, топлива, оборудования, а также для покрытия дефицита, возникавшего вследствие импорта товаров потребительского назначения и продуктов питания, и позволяли финансировать программы правительства, в том числе военные.

В 2017 г. внешнеторговый оборот КНДР (наблюдаемые, законные операции)[8] составлял 5,5 млрд долл. США, из которых 1,8 приходилось на экспорт и 3,8 – на импорт (см. рис. 1). В наблюдаемом экспорте преобладали товары текстильной промышленности, на которые пришлось 28% вывоза, минеральное топливо и руда, обеспечившие в совокупности свыше 34% экспортных поставок, рыба и моллюски – почти 10% вывоза. Указанные четыре позиции давали свыше 70% экспортных доходов.

Санкционный запрет на закупки у КНДР угля и руд, морепродуктов привел к потере свыше 40% ежегодных поступлений и дальнейшему обострению проблемы дефицита торгового баланса. В 2017-2018 гг. дефицит продолжал нарастать, увеличившись с 890 млн долл. США в 2016 г. до 2 млрд в 2017 г. и 2,3 млрд долл. США в 2018 г., т.е. в 2,5 раза по сравнению с уровнем 2016 г. (см. рис. 1). Пандемия COVID-19 привела к дальнейшему сокращению объемов внешней торговли (как экспорта, так и импорта) в связи с тем, что КНДР закрыла границы, чтобы не допустить масштабного проникновения вируса.

Внешнеэкономические потери Северной Кореи от санкций окажутся еще больше, если принять во внимание эмбарго на экспорт услуг, в частности лишение возможности отправлять рабочую силу для участия в проектах за рубежом. До введения санкций Северная Корея активно использовала трудовые ресурсы в международной торговле услугами. По подсчетам Госдепартамента США, таким образом страна могла получать свыше 500 млн долл. США в год[9]. За рубежом трудилось до 125 тыс. северокорейских рабочих[10] – преимущественно в строительном секторе, но также они были заняты в предоставлении технических консультаций по обслуживанию советского оборудования, обучали полицейские отряды (преимущественно в странах Африки)[11].

В соответствии с резолюцией СБ ООН 2397 (п. 8) все страны, которые принимали северокорейских рабочих, выслали их до конца 2019 г. При этом дохода лишились не только сами репатриированные, но и члены их семей. По информации дипломатов, аккредитованных в Пхеньяне, каждый североко-

[8] Приведенные данные относятся к оценочным, собираются они Банком Кореи в Сеуле. Точные размеры экспортного сектора определить сложно, так как многие операции протекают в теневом секторе.

[9] Shin W. Sanctions on North Korean migrant workers undermined by 'interns'. *Nikkei Asian Review*, 15.11.2019. https://asia.nikkei.com/Spotlight/N-Korea-at-crossroads/Sanctions-on-North-Korean-migrant-workers-undermined-by-interns (accessed 24.04.2020).

[10] McCarthy N. The countries hosting North Korean migrant workers [Infographic]. *Forbes*, 04.07.2019. https://www.forbes.com/sites/niallmccarthy/2019/07/04/the-countries-hosting-north-korean-migrant-workers-infographic/#566c3b616c60 (accessed 4.06.2020).

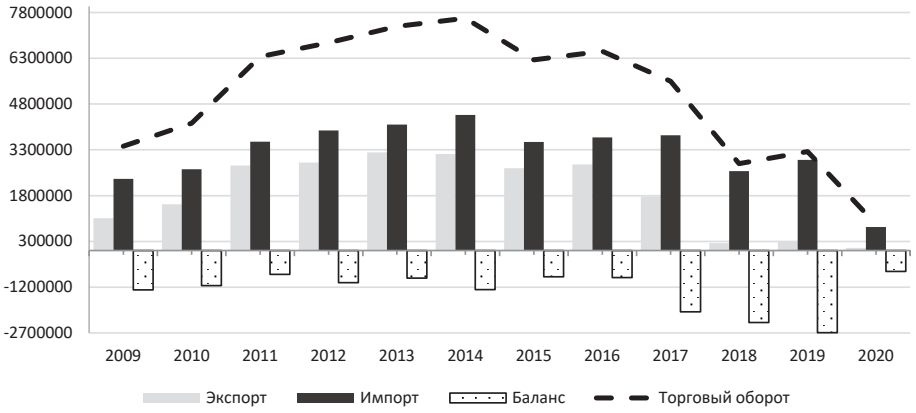
[11] Snyder S. North Korea's latest export: labor. *Forbes*, 22.05.2015. https://www.forbes.com/sites/scottasnyder/2015/05/22/north-koreas-latest-export-labor/amp/ (accessed 26.05.2020); Craw V. Workers in foreign countries generate billions for North Korean state, human rights groups claim. *AMP News*, 19.04.2018. https://amp.news.com.au/finance/work/leaders/workers-in-foreign-countries-generate-billions-for-north-korean-state-human-rights-groups-claim/news-story/528301948367ce3199cca2755a2fcbe4 (accessed 24.04.2020).

рейский работник, занятый за границей, в среднем поддерживает от 3 до 10 родственников дома.

Рисунок 1 (Figure 1)

Внешняя торговля Северной Кореи 2009-2020 гг., тыс. долл. США[12]

DPRK's foreign trade, 2009-2020, thousand US dollars

Таким образом, совокупный негативный эффект санкций, включая ограничения на осуществление экспортных операций и запрет на использование труда северокорейских рабочих, мог составить 4,6-8,2 млрд долл. США, что равно примерно 20-25% оценочного значения ВВП. Разумеется, это не эквивалентно общему падению ВВП, так как ущерб был частично компенсирован за счет маневра ресурсами и использования нелегальных каналов внешнеэкономической и финансовой деятельности. Следует оговориться, что это приблизительные данные, которые позволяют получить представление об общих тенденциях, но не дают точную картину происходящего.

Имеющиеся данные об экономической динамике указывают на процессы стагнации. Так, в 2017 и 2018 гг. сокращение ВВП составило 3,5% и 4,1% соответственно (см. табл. 1). Спад в горнодобывающей промышленности превысил (-)17%, в обрабатывающей промышленности он был на уровне (-)9,1%[13]. В 2019 г. в некоторых отраслях падение замедлилось либо наблюдался незначительный рост, однако пандемия COVID-19 привела к дальнейшему сокращению экономической активности.

Сильно сократилось производство угля, который составляет основу не только энергетического комплекса КНДР, но и экспорта: до введения санкций он обеспечивал до 30% экспортных поступлений страны. В числе ограничительных мер резолюции ООН от декабря 2017 г. содержится запрет на экспорт КНДР данного вида топлива. По сравнению с 2016 г., когда был достигнут пик в его производстве, к 2018 г. выработка сократилась на 40% (см. табл. 2). Это

[12] Составлено авторами на основании данных *Korea International Trade Association*. См. 남북교요 [Inter-Korean trade]. www.stat.kita.net (accessed 27.03.2022).

[13] KOSIS. https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=101&tblId=DT_1ZGA32&conn_path=I3 (accessed 26.03.2022).

указывает на то, что КНДР лишилась части экспортных поступлений. В 2019 г. Северная Корея смогла незначительно нарастить выработку угля, что, скорее всего, указывает на восстановление части поставок данного вида топлива по нелегальным каналам. Однако беспрецедентные ковидные ограничения, на которые пошел режим, привели к сокращению производства в 2020 г. до 19 000 тыс. тонн. Весьма вероятно, что снижение производства угля сказывается на стабильности выработки электроэнергии внутри страны для нужд населения и промышленности.

Таблица 1 (Table 1)

Темпы прироста ВВП по отраслям экономики 2016-2020 гг., %

GDP growth rates by sectors of economy in 2016-2020, %

	2016	2017	2018	2019	2020
ВВП	3,9	-3,5	-4,1	0,4	-4,5
Сельское хозяйство	2,5	-1,3	-1,8	1,4	-7,6
Промышленность:	6,2	-8,5	-12,3	-0,9	-5,9
– добывающая	8,4	-11,0	-17,8	-0,7	-9,6
– обрабатывающая:	4,8	-6,9	-9,1	-1,1	-3,8
– легкая	1,1	0,1	-2,6	1,0	-7,5
– тяжелая и химическая	6,7	-10,4	-12,4	-2,3	-1,6
Производство и распределение электричества, газа, воды	22,3	-2,9	5,7	-4,2	1,6
Строительство	1,2	-4,4	-4,4	2,9	1,3
Услуги:	0,6	0,5	0,9	0,9	-4,0
– административные	0,6	0,8	0,8	0,5	0,8
– прочие	0,5	-0,3	1,2	1,8	-1,8

Примечание. Составлено авторами на основании данных KOSIS. См. http://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=101&tblId=DT_1ZGA32&conn_path=I3 (accessed 26.03.2022).

Таблица 2 (Table 2)

Объем производства угля в 2016-2020 гг., тыс. тонн[14]

Coal production by year, 2016-2020, thousand tons

Год	Антрацит	Битумный уголь	Уголь всего
2016	21 740	9 320	31 060
2017	15 160	6 500	21 660
2018	12 660	5 420	18 080
2019	14 150	4 060	20 210
2020	13 300	5 700	19 000

[14] Составлено авторами на основании данных KOSIS. См. https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=101&tblId=DT_1ZGA32&conn_path=I3 (accessed 27.03.2022).

Объем производства риса пока остается на прежнем уровне (см. табл. 3) и на 80% превышает уровень производства 1995 г. Данное обстоятельство позволяет предположить, что пока ситуация не достигла уровня продовольственного кризиса и массового голода середины 1990-х годов, когда число умерших от голода варьировалось между 300 000 и 800 000 человек в год [Goodkind, West 2001]. Тем не менее неправительственные организации обращают внимание, что ситуация остается напряженной и кризисные тенденции нарастают.

Таблица 3 (Table 3)

Объем производства риса в КНДР в 1995-2021 гг., тыс. тонн[15]

Rice production in DPRK in 1995-2021, thousand tons

Год	1995	2009	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Объем	1211	1910	2037	2101	2156	2016	2224	2192	2205	2236	2021	2156

Примечание. Составлено авторами на основании данных KOSIS. См. https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=101&tblId=DT_1ZGA32&conn_path=I3 (accessed 27.03.2022).

Плохие урожаи и стихийные бедствия в 2019 г. заставили руководство страны увеличить закупки продовольствия на внешних рынках[16]. В 2019 г. Северная Корея импортировала из Китая, основного источника продовольственного импорта, рекордное количество зерновых на сумму свыше 151 млн долл. США (см. табл. 4). В стоимостном отношении объем импорта увеличился в три раза по сравнению с 2018 г. и в семь раз по сравнению с 2015 г. Также выросли закупки кукурузы и ячменя. Заметим, что беспрецедентные торговые ограничения, на которые пошел северокорейский режим в условиях пандемии COVID-19, заставили его сократить закупки продовольствия, несмотря на сложную социально-экономическую ситуацию.

Таблица 4 (Table 3)

Импорт зерновых КНДР из Китая, стоимостные объемы, 2015-2020 гг., тыс. долл. США

DPRK's import of grains from China, 2015-2020, thousand US dollars

	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Итого	24 015	28 948	65 943	90 556	151 887	37 156
Ячмень (1003)	0	0	639	843	1 326	730
Кукуруза (1005)	3 017	1 010	11 258	1 137	6 303	361
Рис (1006)	10 772	24 845	21 361	24 635	77 510	589
Зерновые (1007~1008)	78	0	-	-	-	-
Мука (1101)	5 645	2 536	32 623	63 046	66 078	35 476
Бобовые (1201)	4 503	557	62	895	670	0

Примечание. Составлено авторами на основании данных KOSIS. См. http://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=101&tblId=DT_1ZGA32&conn_path=I3 (accessed 27.03.2022).
"-" – нет данных.

[15] Составлено авторами на основании данных KOSIS. См. http://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=101&tblId=DT_1ZGA32&conn_path=I3 (accessed 12.05.2020).

[16] FAO/WFP. Joint Rapid Food Security Assessment. Democratic People's Republic of Korea, 2019. Bangkok. P. 14-15. http://www.fao.org/3/ca4447en/ca4447en.pdf (accessed 11.05.2020).

Механизмы адаптации КНДР к санкциям. Вопреки жестким санкциям режим КНДР показал адаптивность к международным ограничениям и намерение придерживаться выбранной линии поведения. Страна продолжает осуществлять запрещенные экспортно-импортные операции и получать выручку на внешнем рынке. Для этого КНДР использует обходные пути: перевалка грузов с судна на судно в открытом море, прямые нелегальные поставки, в том числе для экспорта угля. В докладе Группы экспертов ООН по санкциям в отношении КНДР от марта 2019 г. приводятся факты вывоза запрещенных резолюцией СБ ООН 2270 минералов и руды, а также импорта нефти и нефтепродуктов и других подсанкционных товаров в значительных объемах[17].

Возможности ведения незаконной торговой деятельности создаются за счет соответствующей финансово-логистической инфраструктуры. На протяжении длительного времени Северная Корея формировала и постоянно обновляла теневые механизмы обеспечения поставок и их оплаты посредством многочисленных компаний и подставных лиц. Зарубежные представители банков КНДР продолжают играть активную роль в брокерских сетях для организации перевалки грузов с судна на судно с использованием посредников из третьих стран и иных методов уклонения от санкций[18]. Для финансово-логистических операций активно используются азиатские и африканские страны. Были выявлены факты того, что в морскую торговлю КНДР вовлечены суда под флагами Сингапура, Того, Сьерра-Леоне и других "удобных" юрисдикций[19].

Также для восполнения утраченной части доходов от традиционной внешнеэкономической деятельности Северная Корея постоянно ведет поиск новых источников поступлений. К ним можно отнести производство и торговлю наркотическими препаратами, киберпреступность, махинации с криптовалютами. Так, в 2017 г. появились предположения, что было возобновлено производство метамфетамина, который сбывается в Китай и страны Юго-Восточной Азии[20]. По данным американских спецслужб, северокорейский Департамент военно-промышленного комплекса использует подконтрольные ему торговые структуры для размещения за рубежом специалистов в сфере информационных технологий. Это программисты и разработчики программного обеспечения, сотни которых работают в Европе, Азии, Африке и на Ближнем Востоке. Как и в случаях с традиционными торговыми операциями, в качестве номинального главы компании из сферы услуг выступает местный гражданин, однако фактическое управление осуществляется северокорейскими специалистами[21].

[17] UN. Report of the Panel of Experts established pursuant to resolution 1874 (2009) p5 S/2018/171, 2018. https://www.undocs.org/S/2018/171 (accessed 12.06.2020).

[18] Там же; UN. Security Council. Report of the Panel of Experts established pursuant to resolution 1874 (2009), 2019. https://www.undocs.org/S/2019/171 (accessed 12.06.2020).

[19] Cohen A. North Korea illegally trades oil, coal, with China's help. *Forbes*, 21.03.2019. https://www.forbes.com/sites/arielcohen/2019/03/21/north-korea-illegally-trades-oil-coal-with-chinas-help/amp/ (accessed 03.05.2020).

[20] Ryall J. North Korea 'ramps up manufacture of illegal drugs' amid sanctions. *Deutsche Welle*, 21.08.2017. https://www.dw.com/en/north-korea-ramps-up-manufacture-of-illegal-drugs-amid-sanctions/a-40169753 (accessed 17.05.2020).

[21] 38 NORTH. Interview with Stephanie Kleine-Ahlbrandt on the UN Panel of Experts latest report to the Security Council, 05.09.2019. https://www.38north.org/2019/09/skleineahlbrandt090519/ (accessed 03.05.2020).

Западные эксперты подозревают представителей КНДР в хищении активов и махинациях с криптовалютой. В частности, КНДР приписывают кибератаки с использованием компьютеров и инфраструктуры банковских служащих для отправки мошеннических сообщений и уничтожения улик, для получения доступа к средствам финансовых учреждений и бирж криптовалют. Имеются также подозрения в организации атак через сеть SWIFT[22]. Предполагается, что доходы КНДР, получаемые в результате подобных мошеннических операций и кибератак, заметно выросли после введения санкций.

Запрет на легальный бизнес толкнул северокорейцев в нелегальную сферу, плохо поддающуюся регулированию. При этом в мировом масштабе формируются нелегальные цепочки поставок и сетевые структуры. Процесс глобализации международной сферы услуг предоставляет КНДР возможности для расширения поля активности, создавая новые источники дохода.

Продуктивны ли санкции?

Продуктивность санкций логично оценивать, отталкиваясь от элементов, выбранных в качестве исходной аргументации для их введения. В частности, выбор в качестве отправной точки экономических либо политических результатов приведет к различным ответам. Если речь идет об экономических результатах, то критерием продуктивности могут служить экономические сложности для страны и ее элиты. В этом случае серьезный негативный эффект ограничений на КНДР очевиден и мог бы свидетельствовать в пользу санкций.

Если же оценивать политические результаты, заявленные как наиболее желательные для государств, вводящих санкции [Hufbauer et al. 2009], то аргументация о продуктивности заметно снижается. Мы можем наблюдать, что, несмотря на очевидное негативное влияние на экономику КНДР, северокорейский режим не идет на сделку с Западом и продолжает свою ядерную программу[23]. Как резюмировал Дэвид Доллар, американский эксперт Института Брукингса, “северокорейский режим в порядке и продолжает себя финансировать”[24].

Однако в определенных кругах США распространена точка зрения, что именно ущерб от санкций “заставил” Ким Чен Ына пойти на переговоры с Вашингтоном[25]. Правда, в таких заявлениях остается в стороне тот факт, что переговоры служат

[22] UN. Security Council. Report of the Panel of Experts established pursuant to resolution 1874 (2009), 2019. https://www.undocs.org/S/2019/171 (accessed 12.06.2020).

[23] Схожая ситуация наблюдается и в случае с Ираном. В отношении Ирана США ввели весьма действенные санкции, или “смарт-санкции”, которые вызвали очевидные и существенные негативные последствия в иранской экономике. Ограничения стоили режиму ресурсов и привели к уступкам и сделке с Западом. Но при этом санкции не способствовали достижению тех результатов, которые американская администрация рассматривала как желаемые, а именно – смене политического курса. Как отметила Сюзанн Малони, один из крупнейших специалистов по Ирану в США, в основных направлениях внешней политики Ирана мало что изменилось, и происходит даже “откат” обратно. См. Maloney S. Panel discussion “Economic sanctions: assessing their use and implications for U.S. foreign policy”, 27.01.2019. Brookings Institute. https://www.brookings.edu/events/economic-sanctions-assessing-their-use-and-implications-for-u-s-foreign-policy/ (accessed 27.05.2020).

[24] Dollar D., Keatinge T. How will the UK use financial sanctions in a post-Brexit world. *Brookings Podcast “Dollar & Sense”*, 18.02.2020. 00:01:00-00:01:16. https://www.brookings.edu/podcast-episode/how-will-the-uk-use-financial-sanctions-in-a-post-brexit-world/ (accessed 12.06.2020).

[25] Taylor A. Why Kim Jong Un wants relief from ‘maximum pressure’ sanctions. *The Washington Post*, 28.02.2019. https://www.washingtonpost.com/world/2019/02/28/why-kim-jong-un-wants-relief-maximum-pressure-sanctions/ (accessed 12.06.2020).

внутриполитическим целям северокорейского лидера[26]. Также от внимания ускользает то, что саммиты Трампа и Кима не принесли ощутимых результатов в плане реалистичных договоренностей. После неудачного корейско-американского саммита в Ханое в феврале 2019 г. прогресс в дипломатической сфере практически затормозился. Это дало КНДР повод в конце того же года устами лидера страны заявить о "бессмысленности" соблюдения моратория на испытания ядерных зарядов и межконтинентальных баллистических ракет. В докладе Группы экспертов СБ ООН за 2019 г. обращается внимание на то, что Пхеньян провел не менее 25 испытательных пусков, в том числе новых типов баллистических ракет малой дальности и баллистических ракет, запускаемых с подводных лодок[27].

Очевидно, что индуцирование экономических трудностей для максимального повышения экономических издержек осуществления ядерной программы [Solingen 2012; Miller 2014] не создает маневра для политического давления и возникновения "зоны возможного соглашения" [Kim, Lee 2019]. Этому есть несколько причин.

КНДР, в отличие от Ирана, который под давлением санкций пошел на сделку с ЕС и США, более стабильна политически. Северная Корея – единственное авторитарное государство, в котором власть перешла к третьему поколению правящей семьи[28]. Контакты между политическими кругами КНДР и представителями Запада ограничены, соответственно, наладить диалоговые нити между ними сложно.

Ограниченный эффект экономического давления на КНДР обусловлен также тем, что в течение длительного времени страна не была включена в наблюдаемые международные торговые и финансовые процессы. В связи с этим снятие ограничений на торговлю не воспринимается руководством страны как достаточное условие для уступок, т.е. имеет место "эффект эндаумента", о котором говорилось выше. Элиты в КНДР отдают себе отчет в том, что устранение санкций не принесет стране моментальных и существенных экономических выгод, и это заставляет их требовать более масштабных уступок со стороны США. Более того, ситуация с Ираном и односторонний выход США из сделки с ним еще больше подкрепляют подобные сомнения.

Наконец, политическая система КНДР в большей степени приспособлена к тому, чтобы справляться с экономическими трудностями. Власти научились отыскивать "лакуны" в международных системах надзора и пользоваться ими, что поставило Запад в позицию "догоняющего". Как отметил Т. Китинж, международному сообществу приходится постфактум заполнять пробелы, которыми уже воспользовался северокорейский режим[29]. Эти пробелы возникают отчасти в силу усложнения и широкого определения санкционного режима,

[26] ASU Now. Did sanctions bring Kim Jong Un to the negotiating table? 30.04.2018. https://asunow.asu.edu/20180430-global-engagement-are-tough-sanctions-working-north-korea (accessed 12.03.2020).

[27] КНДР в 2019 г. не прекратила ракетно-ядерную программу. *РИА Новости*, 10.02.2019. https://ria.ru/20200210/1564523346.html?fbclid=IwAR1tplROU9pJNZtCzAYqSd05bc9TNPFncCdirpYzOXhx9Ng0Uftd9-4cITU (accessed 09.06.2020).

[28] Mastro O.S. After Kim Jong-un, merging fact with fiction to predict the future, and wireless charging for cars. *The Economist. The World Ahead Podcast*, 25.05.2020. https://www.economist.com/podcasts/2020/05/25/after-kim-jong-un-merging-fact-with-fiction-to-predict-the-future-and-wireless-charging-for-cars (accessed 27.05. 2020).

[29] Dollar D., Keatinge T. How will the UK use financial sanctions in a post-Brexit world. *Brookings Podcast "Dollar & Sense"*, 18.02.2020. https://www.brookings.edu/podcast-episode/how-will-the-uk-use-financial-sanctions-in-a-post-brexit-world/ (accessed 12.06.2020).

требующих большей бдительности и бо́льших расходов. Например, одна из главных целей, преследуемых США, – пресечение поставок энергоресурсов, рассматриваемых как главное звено в выживании режима. Соответственно, все операции, прямо или косвенно связанные с обеспечением данных поставок, приравниваются к операциям, финансирующим военную программу, и должны останавливаться[30]. Данный подход расширяет спектр потенциальных процессов, за которыми требуется вести наблюдение. Они уже не ограничиваются отслеживанием непосредственных поставок морем, но также включают услуги брокеров, страховщиков, банков и иных акторов, вовлеченных в международную торговлю углеводородами. Расходы, связанные с ведением подобного контроля, существенны для крупных банков и страховщиков, не говоря уже о слаборазвитых странах, которые нередко становятся слабым звеном в этой цепочке.

В оценке продуктивности санкций Западом нарушения ограничений становятся центральным элементом дискуссии. Сторонники жесткого подхода считают, что, если бы режим строго соблюдался, эффект санкций был бы качественно лучшим. Поэтому параллельно с поддержанием санкций принимаются меры по устранению "лакун". Частично поиском "лазеек", используемых КНДР, занимается Группа экспертов ООН[31], которые в своих докладах, выходящих каждые шесть месяцев, детализируют механизмы нелегальных операций. Дополнительно США и Великобритания используют факторы так называемой мягкой силы, проводя консультативную работу по повышению уровня знаний специалистов о действующих санкционных ограничениях. Например, Объединенный королевский институт по исследованию вопросов безопасности и обороны (RUSI) проводит выездные семинары в Африке, разъясняя риски сотрудничества с КНДР. Также применяется консультирование сотрудников финансовых организаций в главных логистических и финансовых "хабах" мира, таких как Лондон и Сингапур. Институт проводит программу SANDSTONE, направленную на раскрытие незаконных логистических операций КНДР.

При всем многообразии усилий, затрачиваемых на повышение эффективности соблюдения санкций, не принимается во внимание (либо намеренно опускается), что санкции фактически укрепляют политический режим в КНДР. Международные ограничения способствуют внутриполитической стабильности за счет оправдания мер "закручивания гаек" и, по сути, усиливают власть элиты и поддерживающего ее "нового среднего класса".

Заключение

Сфера применения санкций в международной политике расширялась на протяжении ряда лет. Как показал пример КНДР, ограничения получают широкую трактовку и вовлекают все большее количество сфер и участников. Однако подобная широкая трактовка санкций, по мнению авторов, еще больше ставит под вопрос их продуктивность для достижения заявленных целей денуклеаризации Корейского полуострова.

[30] Dall E., Keatinge T. Securing the supply chain: implementing North Korea sanctions beyond banking. *RUSI Newsbrief*, 24.05.2019. https://rusi.org/publication/rusi-newsbrief/securing-supply-chain-implementing-north-korea-sanctions-beyond-banking (accessed 26.05.2020).

[31] UN. 1718 Sanctions Committee (DPRK). https://www.un.org/securitycouncil/sanctions/1718 (accessed 12.05.2020).

Вводимые новые ограничения не вносят принципиальных изменений в действия КНДР: северокорейский режим не прекратил свою ядерную программу, а только расширил, умножив при этом свои способности к самофинансированию за счет незаконной деятельности. Если же считать, что истинной целью санкций является не изменение поведения, а ослабление страны и подрыв политического режима, неизбежно возникает вопрос, насколько такие недекларируемые цели соответствуют национальным интересам поддерживающих санкции стран.

Как инструмент воздействия на другие страны санкции продуктивны с точки зрения умножения структурных проблем в экономиках, для которых уже были характерны определенные дисфункции на момент введения ограничений. КНДР на протяжении десятилетий испытывала структурные проблемы до введения санкций в силу особенностей управления национальным хозяйством. Разнообразные внутренние факторы препятствовали наращиванию внутренних инвестиций и расширению ассортимента выпускаемой продукции для внешних рынков еще до введения жестких санкций. Вместе с тем санкции вынуждают к маневру ресурсами и поискам новых источников финансирования и технологий, что в некоторых случаях вызывает повышение выживаемости национальных хозяйств. Снятие санкций не приведет к автоматическому устранению проблем, и режим не идет на уступки, осознавая это.

Санкции создали условия для возникновения хорошо известного в литературе парадокса, когда члены политической элиты, которым статус и приближенность к власти дают возможность контролировать новый (рыночный) сектор экономики, фактически получают выгоды от санкций (что, согласно исследованиям, случалось в каждом эпизоде санкций) [Wood, Reed 2008].

Изначально санкции использовались в качестве инструмента общих дипломатических усилий для поиска решений проблем, но в последние годы они все чаще применяются в отрыве от дипломатического диалога. В случае с КНДР систематическая дипломатия практически отсутствует. По сути, санкции в отношении КНДР сводят ситуации к бинарному ответу: либо подрыв режима, либо все остальное. “Все остальное” при таком сценарии не рассматривается как удовлетворительный результат, но закрывает пути к поиску конструктивного решения проблемы дипломатическими путями.

DOI: 10.17976/jpps/2022.03.07

ON THE QUESTION OF EFFECTIVENESS OF SANCTIONS AGAINST DPRK

I.A. Korgun[1], G.D. Toloraya[1]

[1] *Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

KORGUN, Irina Alexandrovna, Cand. Sci. (Econ.), Senior research fellow, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, email: irinakorgun@yandex.ru; **TOLORAYA, Georgy Davidovich**, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Director, The Center for Asian Strategy, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, email: toloraya@nkibrics.ru

Korgun, I.A., & Toloraya, G.D. (2022). On the question of effectiveness of sanctions against DPRK. *Polis. Political Studies,* 3, 80-95. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2022.03.07

Received: 17.07.2020. Accepted: 16.03.2021

Abstract. This paper aims to contribute to the discussion on the effectiveness of sanctions as a foreign policy tool by analysing the impact of UN sanctions on DPRK’s economy. The problem lies at the center

of attention from the international community as more countries become subject to a growing variety and scope of restrictions imposed by the US. The US establishment views such restrictions as a key element in achieving its foreign policy goals. But more importantly, sanctions are increasingly being used for purposes of economic competition. The case of North Korea allows the authors to identify some major trends in the way sanctions are applied and to suggest the trajectory of their development for at least the mid-term period. International sanctions against North Korea were passed at the UN in December 2017. Measures proposed by the US and its allies targeted 90% of DPRK's exports and a considerable part of imports aiming to undermine the regime's ability to finance itself. But contrary to expectations, there was little progress in the situation and diplomatic attempts did not allow to coerce the North into any considerable concessions in terms of policy changes. The analysis of the economic consequences of sanctions, done in this research, shows that Pyongyang is driven towards illegal activity, its tactics become more sophisticated and the types of operations it undertakes is diversifying rapidly. The findings demonstrate that on multiple occasions, sanctions contradict the initial goals set by the December 2017 UN package. But the current trends in the use of sanctions suggest that they will remain one of the most widely used tools in the Western foreign policy in the near future. The spheres of sanctions' application will likely expand and become more complex, will involve a wider array of private sector actors. DPRK case study shows the shapes of things to come.

Keywords: DPRK, sanctions, effectiveness of sanctions, North Korean economy, Security Council, UN.

References

Early, B.K. (2015). Busted sanctions: explaining why economic sanctions fail. Stanford: Stanford University Press.

Frank, R. (2006). The political economy of sanctions against North Korea. *Asian Perspective*, 30(3), 5-36.

Goodkind, D., & West, L. (2001). The North Korean famine and its demographic impact. *Population and Development Review,* 27(2), 219-238.

Harrell, P., & Zarate, J. (2018). How to successfully sanction North Korea: a long-term strategy for Washington and its allies. *Foreign Affairs*. https://www.foreignaffairs.com/articles/north-korea/2018-01-30/how-successfully-sanction-north-korea

Hufbauer, G.C., & Jung, E. (2020). What's new in economic sanctions? *European Economic Review*, 130, 103572. https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2020.103572

Hufbauer, G.C., Schott J.J., Elliott K.A., & Oegg B. (2009). Economic sanctions reconsidered. Vol. 3rd. Peterson Institute for International Economics.

Jervis, R. (1992). Political implications of loss aversion. *Political Psychology*, 13, 187-204. https://doi.org/10.2307/3791678

Kahneman, D., Knetsch, J.L., & Thaler, R.H. (1991). Anomalies: the endowment effect, loss aversion, and status quo bias. *Journal of Economic Perspectives*, 5(1), 193-206. https://doi.org/10.1257/jep.5.1.193

Kahneman, D., & Tversky, A. (1979). Prospect theory: an analysis of decision under risk. *Econometrica,* 47(2), 263-291, https://doi.org/10.2307/1914185

Kang, C.D. (2003). Getting Asia wrong. *International Security*, 27(4), 57-58.

Kim, I., & Lee, J. (2019). Sanctions for nuclear inhibition: Comparing sanctions conditions between Iran and North Korea. *Asian Perspective*, 43(1), 95-122.

Koen V., & Beom J. (2020). The last transition economy? *OECD Economics Department Working Papers*, 1607. Paris: OECD Publishing. https://doi.org/10.1787/82dee315-en

Levkowitz, A. (2007). Why do we not understand the DPRK? *North Korean Review*, 3(2), 94-100.

Miller, N.L. (2014). The secret success of nonproliferation sanctions. *International Organization*s, 68(4), 913-944.

Morgan, P. (2003). Deterrence and rationality. In *Deterrence Now (Cambridge Studies in International Relations)* (pp. 42-79). Cambridge: Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9780511491573.003

Solingen, E. (2007). Nuclear logics: contrasting paths in East Asia and the Middle East. Princeton, NJ; Woodstock, Oxfordshire: Princeton University Press.

Solingen, E. (2012). Sanctions, statecraft, and nuclear proliferation. Cambridge: Cambridge University Press.

Solingen, E. (2019). Sanctions, sequences, and statecraft: insights from behavioral economics. In A.I. Harrington, J.W. Knopf (Ed.), *Behavioral Economics and Nuclear Weapons* (pp. 115-134). Studies in Security and International Affairs. Athens, GA: University of Georgia Press.

Wood, R.M. (2008). A hand upon the throat of the nation: economic sanctions and state repression, 1976-2001. *International Studies Quarterly,* 52(3), 489-513. https://academic.oup.com/isq/article-abstract/52/3/489/1871290?redirectedFrom=fulltext

Bulychev, G.B., & Korgun, I.A. (2019). Sanctions and their implications for North Korea's trade and economy. *Far Eastern Studies*, 5, 64-75. https://doi.org/10.31857/S013128120007505-6

Dyachkov I.V. (2018). UN sanctions against the DPRK: an assessment of efficiency. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities,* 23(177), 176.

Ilijin, A.V., & Kurnykin, O.Yu. (2014). North Korean crisis through the lens of the UN Security council resolutions. *Comparative Politics*. No. 1. http://lawinfo.ru/catalog/6653/7136/1/7769

Toloraya, G.D., Korgun, I.A., & Gorbacheva, V.O. (2020). Sanktsii v otnoshenii KNDR: analiz posledstvīĭ i uroki [Sanctions against DPRK: consequences and lessons]. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.) https://inecon.org/docs/2020/files/Toloraya_paper_2020.pdf

Zakharova, L.V. (2019). The influence of UN Security Council sanctions on the North Korean Economy. *International Organisations Research Journal,* 14(2), 223-244. https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-02-09

Zhebin, A.Z. (Ed.). (2017). Korea facing new challenges. Moscow: Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences.

Литература на русском языке

Булычев Г.Б., Коргун И.А. 2019. Санкции и их последствия для торговли и экономики КНДР. *Проблемы Дальнего Востока*. № 5. С. 64-75. https://doi.org/10.31857/S013128120007505-6

Дьячков И.В. 2018. Санкции ООН в отношении КНДР: оценка эффективности. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. Т. 23. № 177. С. 173-179.

Корея перед новыми вызовами. 2017. Под ред. А.З. Жебина. М.: ИДВ РАН.

Захарова Л.В. 2019. Влияние санкций Совета Безопасности ООН на экономику КНДР. *Вестник международных организаций*. Т. 14. № 2. С. 223-244. https://iorj.hse.ru/data/2019/09/25/1540071716/%D0%97%D0%B0%D1%85%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf

Ильин А.В., Курныкин О.Ю. 2014. Северокорейский кризис через призму резолюций Совета Безопасности ООН. *Сравнительная политика*. № 1. http://lawinfo.ru/catalog/6653/7136/1/7769

Толорая Г.Д., Коргун И.А., Горбачева В.О. 2020. Санкции в отношении КНДР: анализ последствий и уроки. М.: Институт экономики РАН. http://www.inecon.org/docs/2020/files/Toloraya_paper_2020.pdf